

ГЛУПАЯ

Виолетта Винокурова

СЕСТРИЦА

Виолетта Винокурова

Глупая сестрица

«Автор»

2025

Винокурова В.

Глупая сестрица / В. Винокурова — «Автор», 2025

Фйола и Эйстейнн были вместе всегда, но затем Фйола влюбилась. И на любви своей помешалась. Брат-калека не тот, кто может остановить безумную сестру, но спасти её он попытается. История написана для челленджа #BoF_box.

© Винокурова В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1. Послание в бутылке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виолетта Винокурова

Глупая сестрица

1. Послание в бутылке

Всегда была глупой сестрица Фйола. Старшей, но глупой.

С имени начиная, нашими родителями данного, почившими в бесконечной мерзлоте, заканчивая характером мягким и нежным, с которым на севере жить пытка одна. Испытание вечное прочности несуществующей.

Быстро слишком найдут такую особу, нежную и мягкую. Разорвут. Ветер колкий справится, хищника с клыками острыми, когтями точёными ждуть не понадобится даже.

Дуновение, и облака цветов таких ласковых и послушных не существует больше.

– Эйстейнн, – зовёт Фйола меня, укутанная, как цветку в зиме подобает: в меха зверей диких.

Накидка волчья у неё новая. От Ари, человека смурного, жестокого. Такой цветок в мерзлоте и не заметит, даже если каплей крови на снегу тот сиять будет.

– К заливу опять ходил?

Снег безмолвный сопротивляется шагам моим, а думы мои о сестре только.

Добрая слишком, невинная, оттого безрассудная, кидается всем помочь, о себе позабыв.

– Эйстейнн, кому говорю! – Мимо прохожу, а сестрица хватается тяпкой.

Рукой не называть её маленькую ручку, обёрнутую в шерсть.

– Что случилось?

– Зачем с Ари связалась? Он плохой человек.

– Он хороший охотник.

– И только – убивать может, а так нельзя.

– Эйстейнн, – сестрица в третий раз повторяет, – нам жить надо, а ты в горы не пойдёшь, в поля не выходишь, нога твоя... – Фйона напоминает только: «Помнишь?» Но дальше, как человек внимающий, не лезет. Знает, что будет больно. И ей, и мне. – В море не идёшь... Ари помочь нам может.

– Лучше я сам в море пойду, согласен всю жизнь рыбой, как медведь, питаться.

Сестрица имени моего не говорит, вздыхает только потерянно и мёртво. Глаза у неё такие же, как у меня: бледные, водянистые, но тёплые. Знаю я, что сделает она, и потому не противлюсь. На шаг ко мне подходит, на один ещё, за плечо обнимает, как лепесточек, и лицом красным, разбитым прижимается.

– Прости, Эйстейнн.

Но некого тут прощать – никто не виновен.

Фйола каждый день к Ари ходит – он о встречах мимолётных просит, о поцелуях, что следами долгими кожу сестрицы пленяют, о плоти, что лишь его будет в бесконечных, тёмных днях, о душе, которая останется с ним навечно.

В сестрице вещь он видит, которую использовать может.

– Не ходи к нему, – говорю я каждый раз.

– Надо, Эйстейнн, – шепчет Фйола мне и закрывает за собой дверь.

Знает, что мне её не догнать, стоит ей побежать. Сделает, что задумала.

Обмен таков.

Но однажды Ари решает пуститься в море.

– З-зачем? – Фйола так обескуражена, как, кажется, никогда не была.

– А ты не хочешь? – горделиво спрашивает он, глядя в горизонт, который между стылмым морем и хмурым небом прячется. – Там же всё есть! Земля, скот, жизнь!

Такие истории мы слышали, что в нашем фьорде – вечная зима. Вечная смерть. Смелчаки находились, что за горизонт отправлялись, который мы летом видим, но никто не вернулся: коснулись они неизбежного и растворились.

Остались, наверное. Если там жизнь, зачем возвращаться в смерть?

– Не надо, Ари, – просит Фйола и за руку его хватает. – Останься. Мы здесь живём.

И умираем.

– Отправляйся со мной, – спокойно говорит он.

Орёл свои крылья расправил, он уже отправляется в путь.

– Ари...

– Решай, Фйола. – Ари на меня взгляд презрительный бросает: немногословно говорит о том, что я – помеха для сестры, которая мешает жить. Калека, посмевающий привязать её к острову. Каменная земля, позарившаяся на крохотную фиалку.

А Фйола на меня с жалостью смотрит: как оставит младшего брата? Как он будет жить, если охотиться не может? Знаю я, что Фйола Ари любит, и не за обмен на тепло и корм себя отдаёт. Тот момент настал, когда не я – центр её мира.

– Решай ты, Фйола, – честно отвечаю я и ковыляю от шумного берега, где только птицы стенают, прогоняя меня. Пятое колесо у телеги сестрицы.

Утром меня запах насыщенный будит – густой и плотный дикого гиблого зверя.

– Фйола... – Я с кровати не встаю, боюсь, что сестрица еду приготовила и вещи свои забрала, отдав себя в руки судьбе – в лапы свободной птице, что ухватила её когтями.

– Эйстейнн, – звучит её сладкий голос, – ты спал так долго, что я Ари проводила.

– Он уплыл?

– Да.

– А ты?

– А я осталась.

Фиалка на острове, где ничего не цветёт.

Теперь сестрица со мною вместе к берегу ходит, чтобы посмотреть за морем холодным, молчаливым, укромным. Она смотрит вдаль, ждёт зарождения жизни в виде шлюпки с любимым её.

Ари пообещал, что найдёт остов жизни и зелени и заберёт её и, так уж быть, меня. Чтобы Фйола не грустила.

Море мне по-дружески шепчет, что Ари сестрицу обманул, но я, как волны, держу рот на замке.

– Лицо обмёрзло, – растирает Фйола свои щёки, а тем только хуже.

– Да... холодно сегодня.

– Холодно всегда.

Фйола на берег ходит даже без меня и с каждым днём всё темнее её глаза. Жизни в ней нет, угасает она, теряет душу свою, часть которой за море ушла. Я ничем ей помочь не могу. Ей нужно было идти с ним, но она выбрала меня. По привычке, по старой жизни своей, которую знала.

Месяц за месяцем следом, и от сестры остался один стебелёк. Ей нужна капля моря, но море солёное не кормит её. Силы себе забирает и шепчет ей не то, что мне: он вернётся однажды, придёт и тебя с собой заберёт.

Но это не волны шуршат, а облезлая душа.

Мы вместе гуляем, клуш шугаем, а те норовят подобраться поближе. Топают лапками, кричат на море, на нас, на себя, а к берегу что-то несёт. Что-то совсем не морское.

Сестрица взгляд свой заостряет, и я следом за ней. Бутылка, а в бутылке письмо. Послание до нас чьё-то дошло. Его волны к берегу гонят и от берега забирают.

– Может, прыгнуть за ним? – шепчет зачарованно Фйола.

– Не дури! – прикрикиваю я, а море шальное расходится.

Фйола шагает вперёд, а я за тятку удерживаю, не даю ступить ближе.

– Сама доплывёт.

– А если нет? А если это Ари написал? – Ветер разгоняется, по лицу лупит, я обхватываю сестру за талию и ступаю на ногу больную. – Эйстейнн, отпусти!

– Нет! Если в воду ты прыгнешь, замёрзнешь насмерть!

– Я вернусь и отогреюсь! Отпусти!

Бутылка на волнах резвых колыхается, и море её к нашим ногам выплёвывает. Фйола ахает, падает на колени, а я её силами всеми держу. Знаю, что проклятие в этой бутылке, сестрицу глупую оно зазывает.

Боль в корявой ноге ожесточается, я стону и разжимаю руки, а Фйола на живот и к бутылке, в руки берёт и выдирает пробку зубами.

Я к ней падаю, коленями о камни прибрежные бьюсь, руками тянусь, шипя, но сестрица знает, ей достаточно увернуться – и я не достану, но по рукам ударю. Фйола бутылку отпускает, та нескладно вылетает и со звоном стенающим разбивается. Так крепко держала и так резко отпустила.

Я на Фйолу наваливаюсь, только бы на стекло не налетела, а она свои короткие пальчики тянет – до бежевого свертка с посланием внутри.

– Эйстенн, слезь! – тужится она и пытается подняться, а моя нога от боли прошедшей кричит, шрамы ожили и закровоточили, ветер вместе с нами бушует, а море раздумывает, забрать или нет эту жалкую бумажку.

Фйола брыкается, духом сопротивляется и падает, оседает, по земле стелется, а я выдыхаю. Глоткой воздух солёный вкушаю и в следующий миг понимаю: сестрица меня обманула, чтобы бдительность я ослабил. Она из-под меня вырывается, бумажку хватает, а я лицом вниз падаю, руки не успеваю подставить. Чайки смеются, море стонет: как ты это допустил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.